

Истории Глеба посвящена и следующая сцена (на правом поле, третье клеймо сверху), изображающая могилу Глеба «между двема колодома». О таком погребении Глеба говорят и «Чтение», и «Сказание», и летопись. Но лишь в «Сказании» и в Н1Л рассказывается о чудесах у могилы Глеба, показанных в иконе: «... овогда видеша столп огнен, овогда же свеща горяща; и паки пеня агельская слышаху же мимоходяще гостие».⁴¹

Представленное далее «пренесение мощем святомученика Христова Бориса и Глеба» изображено схематично. Архитектура передана условно и не объясняет, какое именно перенесение здесь показано.

Следующие три сцены явно по ошибке помещены здесь художником и, по логике рассказа, должны были занять иное место. В одной из них на фоне шатра изображен сидящий Борис. Перед ним в печальной позе стоит Георгий. Надпись утрачена. Сцена является иллюстрацией к эпизоду, намеченному летописным рассказом и развитому «Сказанием». Остановившемуся на Лыте Борису воины предложили захватить киевский престол. После отказа Бориса «вои разидошася от него, а сам оста тькъмо с отрокуы своими, и бяше в днь суботный в тузе и печали, удручьнъм сьрдцьмь. И вьлез в шатър свой, плакашеся ськрушенъм сьрдцьмь».⁴² Вместо многочисленных отроков изображен один Георгий. Эта сцена должна была находиться перед изображением вечерней молитвы Бориса, которая, по «Сказанию», следует за рассматриваемым эпизодом.

В соседней сцене изображен сидящий на престоле Святополк; перед ним бородатый муж и группа отроков. Святополк передает мужу красную шубу с длинными рукавами и черным оплечьем. Надпись: «Святополк призва [ки]я[ны] ием... [од]ари и...». Надпись близка к словам «Сказания», где говорится о деятельности Святополка после захвата им киевского престола: «Святополк же, седе в Кыеве по отци, и призва кыяны, одарив, отпусти».⁴³ Текст летописи не столь сходен с надписью, в «Чтении» об этом эпизоде вовсе не упоминается. Эта сцена должна была бы находиться в числе начальных.

Обычай раздачи дорогих одежд в виде подарков неоднократно отмечен в литературных памятниках. Летопись рассказывает, как после убийства третьего брата, Святослава, Святополк, «созвав люди, нача даяти овем корзна, а другим кунами, и раздая множество».⁴⁴ Владимир Мономах вспоминает в своем «Поучении» о заключенных им мирах с половецкими князьями и о том, что при этом было дано «скота много и многы порты».⁴⁵

Изображения на нижнем поле иконы открываются сценой отослания Святополком убийц к Борису. Перед сидящим на престоле Святополком — группа убийц, закутанных в плащи. Надпись: «Святополк [п]ризва вышгородичей веле убити Бор[и]са». О посылке убийц рассказывается во всех литературных памятниках, но «Чтение» Нестора называет убийц не вышгородцами, а более неопределенно — «мужами неистовыми».⁴⁶ Эта сцена, как и две ранее рассмотренные, должна была находиться на иконе в числе начальных клейм.

Чем можно объяснить отступающее от всех текстов расположение трех последних сцен? Вряд ли причиной этого явился сознательный замысел художника. Если и можно допустить, что, перемещая сцены раздачи

⁴¹ Д. И. Абрамович, стр. 43—44; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 174.

⁴² Д. И. Абрамович, стр. 33.

⁴³ Д. И. Абрамович, стр. 31—32. Текст Сказания по Уваровскому списку XV в.

⁴⁴ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 95.

⁴⁵ Там же, стр. 162.

⁴⁶ Д. И. Абрамович, стр. 9.